
Так высоким травам разжечь пустырь,
Расплясаться, выцвести в малахит;
Так выходят женщины на мосты,
Выдыхая изморозь у реки;
Так зелёный корень берёт разбег,
Разрастаясь деревом по нутру,
И под первым солнцем рыдает снег,
И ржавеет яблоко на ветру.

Так бывает: ищешь, глотаешь соль,
Кораблём бумажным идёшь на мель.
А старик с собакой шагает вдоль
Голубых железнодорожных рельс.

Лодочник

у радости нету дна.
поднимешь — гудит плечо.
приемлет весло волна
и пенится горячо.
по правый и левый борт
вскипает речная муть,
а лодочный вскрыт живот,
чтоб лодочнику тонуть,
рождаться через дыру
в сыром деревянном дне
и жить в водяном миру,
как в рыбьем студёном сне.
струится речная речь,
а лодочник слеп да глух.
торчит у него из плеч
по каменному веслу.
он против реки гребёт,
уклюжиной рта скрипя.
река не замедлит ход
и не повернётся вспять.
а стоило навзничь лечь,
как тотчас бы понесла.

река продолжает течь
с другой стороны весла.

И всё будет так же в конце концов:
В сливовое поле уйдёт река —
И ветер, вылизывая лицо,
Иссушит ладони и берега.
Прозрачная рыба уснёт на дне,
Неся золотое дитя внутри,
И в рыбьем прозрачном студёном сне
Младенец со мною заговорит.

И скажет младенец: пора пришла.
И скажет младенец: моря кипят.
Сиреновой ртутью вспылит зола
И вытянет дерево из себя.
Как в старых зачитанных повестях,
В разъятое небо вращут стволы,
И мёртвая бабочка, шелестя,
Медовой пылью стечёт с иглы.

жить касаясь друг друга
словно живых цветов
не ладонью, но памятью
картой памяти
облаком памяти
на триллион гигов
с безопасного фокусного расстояния

не вдыхая, но выдыхая
друг в друга свет
контровой
обводящий объекты линией
разделительной линией жизни
с долгой выдержкой
выдержкой долгих лет
что прямее любой
из василеостровских линий

не присваивая отпечаткам
друг друга цвет,
согласиться на перспективное
искажение
фактов, времени и сигнала
но всё же запечатлеть
расплатиться
за слишком сильное приближение

проживая друг друга
как будто молчит залив
под обветренным льдом
пляжем ласковым запелёнутый
и дышать глубоко
диафрагму и грудь открыв,
и смотреть через сердце
не через объектив

никогда
достаточно
не протёртый

Старик

всё померещилось: море с проседью,
люлька потухшая, корабли.
этой мерцающей синей осенью
пахнет по-зимнему от земли.
всё разлетелось на было-не было,
пепельной кожей шелестя.
с запада пахнет полями хлебными
и багровеет тевтонский стяг.
и наливаются виноградники —
ягоды ссадинами звенят.
и безголовые мчатся всадники
на однорогих своих конях.
всё отлетело. бывшее — было ли?
солью осыпалась по руке
талого тела основа стылая,
не различимая на песке.
это безвременье тёплым семенем
стало из времени прорастать:

светлого севера корень женьшеневый
тянется изо рта.

Самолёт назывался «Сергей Рахманинов».
Он летел, и как-будто звучала музыка.
И когда капитан говорил: Внимание,
Мы летим, а под нами змеятся улицы.
Мы летим, а под каждым крылом — по берегу,
И по каждому берегу — сосны-стражники.
И до каждого города — по мохеровой
Рукавичке, какие вязала бабушка.
А земля — как ладошка, ключом обмытая,
Розовеет по кромке, теплеет сызнава,
Как крещенская прорубь, во льду пробитая,
Перемёрзшему дну оставляет стыдное.

Так летел самолёт над холодной пропастью,
Обделённая спичкою бочка пороха,
Серебристую точкою звёздной россыпи —
Я училась тогда не бояться воздуха.

когда я собиралась
дворовые клумбы стояли
с пустыми ртами

и ты тоже стоял пустой
и я тоже стояла пустая

потом зачем-то ещё приезжала
в них завелась земля
и во мне загнивала земля
и в тебе просыхала земля

а сегодня шла мимо —
там расцвели цветы

означает ли это
что также цветёшь и ты

ложиться в руки яблоком зверьком
дичком душистым лугом мотыльком
и засыпать и жить под потолком
и виться и очерчивать кругом
за кругом круг крылом хвостом и боком

и биться лбом
мохнатым насекомым
и наливной щекой как плод от плоти
и мокрым носом как зверёк пушной
и прочее другое то и это

в круг света света край горячий рай
от лампочки которую включай
пожалуйста включай перед рассветом

а то темно не видно ни лица
ни деревца околицы крыльца
ни лета ни билета на автобус

поскольку разворачивает глобус
лицо на осень и одна пыльца
медовая пыльца стоит столбом
на пальцах оседая и на кедах

и мы стоим по пояс как столбы
в пшеничном поле посреди судьбы
упрямые непуганые лбы
и мотыльки и яблоки и змеи
и звери и дички и дурачки

и бьёмся лбом друг в друга не умея
иначе объясняться о таком
о всяком прочем и ещё другом
да ни о чём по сути не умея

стоим как дети посреди страны
и видим сны о том что видим сны
зачем они куда они нам снятся

туда где по-над берегом реки
растут цветы не ставшие венками
поскольку мы пришли не умирать
и пусть растут пока мы будем спать
и мимо сети пусть плывут мальки
и пламя облетают мотыльки
и яблоки пусть валяются в карманы
и звери пусть к ногам твоим придут

пока мы спим
и пусть они садятся

пока мы спим
и пусть они сидят

пока мы спим
приклеенные лбами

пока нам не придётся просыпаться
в руках у тех которые мы сами